

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ С

1905

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1905

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

АПРѢЛЬ, 1905 Г.

«ПРЕДАТЕЛЬ».

Изъ времянь графа Перовскаго ¹⁾).

I.

ГЕНЕРАЛЬ Перовскій только что вернулся изъ Башкири, гдѣ онъ любилъ отдыхать отъ своихъ дѣлъ по управленію обширнымъ Оренбургскимъ краемъ. Настроеніе въ то время, въ 30-хъ годахъ, было крайне тревожное—Хива и Бухара держали себя крайне вызывающе по отношенію къ Россіи, подбивали мирныхъ киргизовъ къ возстанію противъ «гауровъ». И не проходило дня, чтобы не получалось извѣстія о нападеніи мятежныхъ шаекъ на русскія поселенія или торговые караваны.

Вошелъ лакей и подалъ письмо. Перовскій прочелъ и нервно зашагалъ по кабинету, устланному дорогими коврами. Черезъ полчаса онъ позвонилъ и приказалъ позвать дежурнаго адъютанта, а самъ еще разъ перечелъ письмо, бережно сложилъ и сталъ смотрѣть въ окно на Зауралье.

Ординарецъ доложилъ о приходѣ адъютанта.

— Прси. Черезъ часъ ты отправишься нарочнымъ въ Орскъ. Вошелъ адъютантъ.

¹⁾ Въ августѣ этого года умеръ въ своемъ уфимскомъ имѣніи одинъ изъ моихъ родственниковъ, полковникъ артиллеріи, Петръ Ивановичъ Сунгуровъ. Зналъ, что у покойнаго имѣется богатый матеріалъ о Зауральской степи, я просилъ прислать мнѣ его бумаги, что и выполнено родственниками, тѣмъ болѣе, что П. И. еще при жизни выслалъ мнѣ часть набросковъ, какъ своихъ, такъ и извѣстнаго знатога степи, губернатора Гейнса. Матеріалъ П. И. Сунгурова представлялъ для меня высокую цѣнность, такъ какъ едва ли кто, кромѣ него, такъ интересовался жизнью Оренбургскаго края и Зауральской степи. Онъ всю свою 35-ти-лѣтнюю службу провелъ на этой окраинѣ и, обладая чуткой

— У насъ, въ Орскѣ, въ крѣпостномъ батальонѣ находится полякъ Виткевичъ. Я сейчасъ получилъ отъ ученаго Гумбольдта письмо¹⁾, гдѣ онъ ходатайствуетъ о смятении участи этого молодого образованнаго человѣка. Я вѣрю почтенному Гумбольдту. Прикажете немедленно представить мнѣ рядового Виткевича. Черезъ 4 дня надѣюсь его видѣть здѣсь.

II.

Утро 20-го мая 1834 года. Ревъ верблюдовъ, навьючиваемыхъ послѣ ночного отдыха, безконечное блеяніе огромныхъ стадъ овецъ, гортанный говоръ киргизъ — все это сливается въ одинъ общій гулъ, тонетъ въ густой, ѣдкой солончаковой пыли, окутывающей окрестности Орска. На холмѣ сѣрымъ пятномъ вырисовывается крѣпость, а кругомъ безбрежнымъ океаномъ уходитъ утомительная своею монотонностью киргизская степь. Въ такіе моменты прихода каравановъ и стадъ скота шумъ и говоръ звучатъ какими-то диссонансомъ — такъ ухо отвыкло отъ всего, что нарушаетъ дрему и тишину степи. Мертво въ степи, мертво въ низенькихъ домикахъ обывателей, мертво на улицахъ... Только въ крѣпости изрѣдка прозвучитъ труба, а иногда раздастся заунывная пѣсня солдата, но это случается рѣдко: мертвая степь давитъ на грудь, и пѣсня замираетъ.

Ежедневно у подножія холма, на выбитомъ пыльномъ плацу группа людей, одѣтыхъ въ рубахи, или мундиры-фраки, или въ шинели, смотря по сезону, въ продолженіе 4—5 часовъ усердно маршируетъ, поднимая клубы пыли. Это происходитъ ученіе гарнизона крѣпости.

День 20-го мая выдался жаркій. Пыль лѣзла въ ротъ, носъ, ѣла глаза, забиралась черезъ воротъ рубашки на потное тѣло и

душой, колоссальной наблюдательностью, будучи всесторонне образованъ, не прошелъ мимо какого либо историческаго факта, не оставилъ безъ отмѣтки въ своихъ запискахъ ни одного серьезнаго момента. До сихъ поръ среди киргизовъ (П. И. служилъ болѣе 10-ти лѣтъ уѣзднымъ начальникомъ въ Тургайской области) сохранилась память о «жаксы-уѣздѣ Сунгуръ», ему посвящено нѣсколько одъ мѣстныхъ поэтовъ.

Во время своей службы въ Оренбургѣ и Орскѣ П. И. собиралъ данныя о пребываніи въ этихъ городахъ опальныхъ поэтовъ: Т. Г. Шевченка, Плещеева, а также и о жизни нѣкоторыхъ смыльныхъ поляковъ, среди которыхъ имя Виткевича окружено крайне загадочнымъ ореоломъ.

Я. П.

¹⁾ Въ запискахъ полковника П. И. Сунгурова, откуда заимствованъ данный историческій фактъ, сказано, что Гумбольдтъ лично навѣстилъ, при своемъ возвращеніи изъ Сибири, Перовскаго, но историческія даты не подтверждаютъ этого: Гумбольдтъ былъ въ Оренбургѣ въ 1829 г., а Перовскій вступилъ въ управленіе краемъ въ 1833 г. О перепискѣ Перовскаго съ Гумбольдтомъ упоминается въ запискахъ Гейнса.

Я. П.

густымъ слоемъ осѣдала тамъ. Солдаты изнемогаютъ отъ жары. Сѣдой поручикъ Сеньковъ¹⁾, вышедшій изъ рядовыхъ, свирѣпо поглядывалъ на своихъ учениковъ и искалъ новаго случая «свернуть салазки», какъ онъ выражался про свой излюбленный методъ обученія солдатъ.

— Эй, ты, госпожа Польша, мечтаешь?.. Про родную сторонку изволили вспомнить... Слышь, какой артикуль я приказалъ!..

Этотъ грубый окрикъ былъ адресованъ молодому солдату, очень стройному, съ тонкими чертами лица, не измѣненными ни сильнымъ загаромъ, ни толстымъ слоемъ пыли. Онъ машинально слушалъ команду, машинально продѣлывалъ все то, что дѣлалъ его сосѣдь по фронту. Въ сѣрыхъ глазахъ отражалось тяжкое горе, и невольно всѣ солдаты старались выразить ему свое сочувствіе, чѣмъ еще больше бередили раны товарища.

Это былъ Виткевичъ, сосланный за участіе въ польскомъ возстаніи 1831 года.

Еще недавно въ аристократическихъ салонахъ Варшавы появлялась стройная фигура молодого офицера Виткевича. Онъ всѣхъ очаровывалъ своимъ остроуміемъ и изящными манерами. Ему пророчили блестящую карьеру и счастливую жизнь съ графиней Потоцкой, съ которой онъ былъ помолвленъ незадолго до мятежа. И вотъ, точно въ сказкѣ, онъ, блестящій офицеръ, уже третій годъ въ грязной солдатской рубахѣ, въ тяжелыхъ сапогахъ маршируетъ по пыльному плацу далекой степи, выслушивая грубые окрики поручика. Хорошо еще, что въ отношеніи его положенъ извѣстный предѣлъ въ оскорбленіи: «словесно, кромѣ матерныхъ словъ, можешь журить, но лица касаться не смѣй»,—гласилъ приказъ коменданта крѣпости.

Какъ нарочно, въ этотъ день Виткевичу было особенно тяжело. Думы одна другой безотраднѣе мучили его, сердца тоскливо сжималось, и онъ положительно отказывался понимать команду поручика.

— Эхъ... такъ бы и свернулъ салазки этому полячишкѣ,—не разъ злобно ворчалъ поручикъ, видя, какъ Виткевичъ путалъ команду и «портитъ фронтъ».

Со стороны крѣпости показался солдатъ, который бѣжалъ, «что есть духу», какъ приказывалъ всегда комендантъ, посылая куда либо.

— Ваше благородіе,—прерывающимся голосомъ заговорилъ запыхавшійся солдатъ, останавливаясь предъ поручикомъ,— такъ

¹⁾ Подъ команду (или, какъ тогда выражались, «на выучку») Сенькова попалъ и Т. Г. Шевченко, къ счастью, не надолго. Опальный поэтъ считаетъ эти дни самыми «смурными» въ своей ссылкѣ. Я. П.

что значить его высокородіе васъ требуютъ и поляка Виткевича... Изъ Оренбурга нарочный прїѣхалъ.

Передавъ команду фельдфебелю, поручикъ проворчалъ: «Чортъ знаетъ, что за служба, отрывають безъ толку, дѣлать имъ нечего... А зачѣмъ имъ этотъ полячина?»... Потомъ громко крикнулъ:

— Виткевичъ, ишелъ къ коменданту!

Въ комнатѣ коменданта стоялъ ординарецъ графа Перовскаго, а самъ комендантъ что-то озабоченно писалъ. Когда вошелъ поручикъ, въ сопровожденіи Виткевича, комендантъ вскинулъ на нихъ глазами и, продолжая писать, отрывисто приказалъ:

— Поручикъ Сеньковъ, немедленно снарядить рядового Виткевича въ Оренбургъ... Требуется его высокопревосходительство... Виткевичъ, черезъ полчаса будь готовъ въ дорогу... Ступай...

III.

Наступило лѣто 1835 года. Генералъ Перовскій вернулся изъ Петербурга и на другой день о чемъ-то совѣщался со своими приближенными по управленію краемъ. Карты, планы, бумаги, книги грудями разбросаны на столахъ и диванахъ кабинета. Провожая гостей, графъ задумчиво переспросилъ:

— Такъ вы, господа, полагаете, что Виткевичъ можетъ выполнить?

— Это—единственный человѣкъ, ваше превосходительство, которому можно поручить такое дѣло...

Въ ту же ночь въ кабинетѣ губернатора сидѣлъ Виткевичъ, теперь уже офицеръ, и внимательно слушалъ послѣдняго. Перовскій развивалъ планъ завоеванія Хивы и Бухары, такъ какъ при независимости этихъ государствъ нельзя было и думать объ окончательномъ покореніи Киргизской орды и вообще о мирномъ процвѣтаніи Оренбургскаго края.

— Но прежде чѣмъ начать походъ,—груднымъ голосомъ говорилъ онъ, устремивъ взоръ на карту Средней Азіи,—намъ нужно знать этотъ край, куда мы думаемъ двинуть свои войска. До сихъ поръ Хива и Бухара для насъ—загадочныя страны, мы не знаемъ ихъ боевыхъ силъ, самой мѣстности, не знаемъ отношеній къ нимъ Афганистана и Персіи. Безъ этого начинать походъ государь считаетъ безуміемъ. Намъ нужны эти свѣдѣнія, и только вы можете доставить ихъ. Ваше знаніе восточныхъ языковъ, вашъ умъ и ваши военныя познанія говорятъ за то, что мой выборъ палъ на васъ не зря, и я увѣренъ, что вы оправдаете довѣріе государя.

Виткевичъ молчалъ. Предложеніе было неожиданное. Однако, врожденная страсть къ опаснымъ приключеніямъ и жажда новыхъ

впечатлѣній быстро одолѣли смущеніе, исчезла нерѣшительность, и Виткевичъ твердо произнесъ:

— Постараюсь оправдать высокое довѣріе вашего превосходительства и государя. Когда прикажете выѣхать?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Благодарю васъ, Виткевичъ...

IV.

— Хусейнъ, ты готовъ?

— Готовъ.

— Подпруги хорошо подтянулы? А пистолеты захватилъ?

— Все готово.

— Ну, съ Богомъ...

Виткевичъ, одѣтый хивинцемъ, ловко вскочилъ на породистаго туркменскаго жеребца, слегка натянулъ поводья, поправилъ заткнутой за бухарскій кушакъ пистолеть и пришпорилъ скакуна. Персъ Хусейнъ-Али, исполняющій у Виткевича роль ординарца, неизмѣннаго его товарища въ скитаніяхъ по степи, быстро вспрыгнувъ на красиваго иноходца и карьеромъ понесся вслѣдъ.

Ночь. Кругомъ разстилалась безпредѣльная ковыльная степь. Луна мелкимъ синеватымъ свѣтомъ заливала равнину, придавая ей таинственный видъ... То вдругъ казалось, что впереди обрисовываются небольшія купы деревьевъ, то какъ будто пробѣгала громадная тѣнь, то ровно блестѣли серебряныя ленты рѣки, а въ сторонѣ, въ камышевыхъ заросляхъ чудился невнятный попотъ... Тишина... Ни звука... Покоемъ и нѣгой дышитъ степь, точно наслаждаясь прохладой послѣ долгаго жаркаго дня... Какъ будто все замерло и прислушивается къ какому-то таинственному звуку...

Всадники держались на созвѣздіи Малой Медвѣдицы и все время молча скакали. Виткевичъ низко припалъ къ луку, ворко присматриваясь вдаль и ласково трепля туркмена по замыленной шеѣ. Прошло часа три. Потянуло свѣжей стружкой воздуха, и скоро блеснула полоса воды.

— Хусейнъ, рѣка Турчукъ?

— Турчукъ.

Предъ ними развернулась долина Кабулистана.

Удачно исполнивъ порученіе относительно Хивы и Бухары, Виткевичъ пробирался теперь въ Афганистанъ, подъ видомъ купца. Много разъ онъ и Хусейнъ рисковали быть ограбленными и убитыми въ Зыбучихъ Пескахъ Усть-Урта, въ аулахъ Хивинской степи, не разъ подвергались опасности быть пойманными во время съемокъ мѣстностей и наблюденій за жизнью туземцевъ, выясненія числа войскъ и другихъ важныхъ свѣдѣній. Но всегда выручала ихъ находчивость Виткевича и его прекрасное значеніе туземныхъ

нарѣчій, въ связи съ щедрыми подачками. Теперь имъ предстояла не менѣе трудная задача—войти въ довѣріе къ властителю Кабула, Доссъ-Магомету, и проникнуть въ Персію, чтобы узнать планы этихъ государствъ, въ случаѣ похода Россіи въ Хиву.

Въ теченіе мѣсяца на уликахъ и въ чай-хане Кабула можно было встрѣтить молодого хивинскаго купца Ибрагимъ-Бея, пріѣхавшаго по торговымъ дѣламъ. Часто свой разговоръ онъ сводилъ на политику, при чемъ являлся горячимъ сторонникомъ союза Хивы съ Афганистаномъ и не разъ всенародно заявлялъ о скорѣйшей необходимости дать «проклятымъ гаурамъ» достойный отпоръ. «Поработятъ всѣхъ насъ, какъ поработили Орду, и станутъ опасными сосѣдями Кабулу».

На него обратили вниманіе, и одинъ изъ фаворитовъ Доссъ-Магомета заинтересовался богатымъ хивинцемъ, его намѣреніями завязать тѣсныя торговыя сношенія съ Кабуломъ, а когда получилъ въ подарокъ дорогой рубинъ, то приблизилъ его къ себѣ, представилъ Доссъ-Магомету, и скоро всѣ придворныя политическія тайны стали извѣстны Ибрагиму.

Какъ неожиданно Ибрагимъ-Бей явился въ Кабулѣ, такъ же внезапно исчезъ изъ него и пропалъ безслѣдно. Передавали, что видѣли его съ караваномъ, направлявшимся въ предѣлы Персіи, но на это мало обратили вниманія и скоро въ Кабулѣ забыли про молодого хивинца.

А хивинецъ Ибрагимъ, онъ же поручикъ Виткевичъ, въ это время странствовалъ по Персіи ¹⁾.

V.

Зимой 1836 года Виткевичъ вернулся изъ своихъ опасныхъ странствованій и блестяще выполнилъ «секретное порученіе». В. А. Перовскій былъ въ восторгѣ и общалъ ему флигель-адъютантскій эксельбантъ, за которымъ и командировалъ его самого. Онъ пожелалъ, чтобы Виткевичъ лично представилъ государю отчетъ о своемъ путешествіи и наглядно бы убѣдилъ въ необходимости похода на Хиву.

Въ С.-Петербургѣ Виткевичъ остановился въ одной изъ первоклассныхъ гостиницъ и усердно принялся за систематизацію своихъ свѣдѣній и плановъ. Работа приближалась къ концу, и былъ назначенъ день пріема у государя.

Наканунѣ аудіенціи, когда Виткевичъ торопился окончить схематическую карту Афганистана, въ дверь номера кто-то постучалъ.

¹⁾ По свѣдѣніямъ Сунгурова, Виткевичъ посѣтилъ сначала Бухару, Хиву, а потомъ проникъ въ Афганистанъ и Персію. По другимъ свѣдѣніямъ, Виткевичъ изъ Хивы направился въ Афганистанъ, а оттуда уже проишь съ караваномъ въ Бухару. Я. П.

— Войдите!—крикнулъ Виткевичъ.

Вошелъ пожилой господи́нь съ великосвѣтскими манерами, держа въ лѣвой рукѣ цилиндръ и перчатку.

— Панъ Виткевичъ?—тихо спросилъ вошедшій.

Виткевичъ нѣсколько секундъ присматривался къ гостю, а потомъ радостно привѣтствовалъ:

— Панъ Тышкевичъ?... Какъ я радъ, какъ счастливъ видѣть!

Встрѣтились два друга, два единомышленника, пострадавшіе за одну идею и одновременно помилованные. Полилась дружеская бесѣда. Пріятели дѣлились впечатлѣніями, ворошили прежнюю жизнь.

Виткевичъ началъ рассказывать про свои странствованія, про ту «великую услугу», которую онъ оказалъ Россіи, и не могъ не подѣлиться мечтами о будущей карьерѣ.

По мѣрѣ того, какъ онъ развивалъ нить своихъ скитаній, приводя эпизоды съ переодѣваніями, бритьемъ головы, лицо собесѣдника дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе. Наконецъ онъ не выдержалъ, вскочилъ со стула и крикнулъ:

— Стыдись, панъ Виткевичъ... Ты говоришь про свое порученіе, какъ про какой-то святой подвигъ... И это ты, который не задумался принести въ жертву свою жизнь, богатство и почетъ во имя идеи освобожденія дорогой родины отъ рабства... И вдругъ самъ же способствуешь порабощенію самостоятельныхъ государствъ. Ты, презиравшій предателей, самъ сталъ шпиономъ и предателемъ...

Проговоривъ это сдавленнымъ голосомъ, Тышкевичъ почти выбѣжалъ изъ номера.

Виткевичъ минуту остался неподвижнымъ, а потомъ схватился руками за голову и зарыдалъ. Иногда изъ груди у него вырывался стонъ, и, точно отъ боли, онъ качалъ головой и скрежеталъ зубами.

— Предатель... Да, вѣрно предатель...—шепталъ онъ.

— Такъ да будетъ же все проклято!

Виткевичъ схватилъ со стола планы, чертежи, записки и сталъ бросать въ потухающій каминъ. Скоро компата освѣтилась красноватымъ пламенемъ. Огонь жадно пожиралъ бумагу... Вотъ брошенъ планъ Хивы. Огонь сталъ перебѣгать по краямъ александрійскаго листа, потомъ схватилъ его со всѣхъ сторонъ, и черезъ мгновеніе отъ важнаго документа осталась обуглившаяся масса, которая съ легкимъ трескомъ свернулась и разсыпалась.

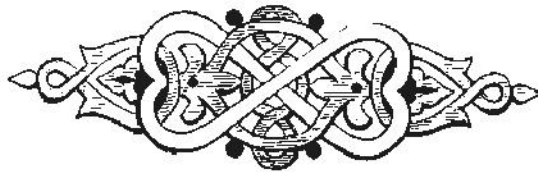
Виткевичъ вздрогнулъ, провелъ рукой по влажному лбу, подошелъ къ комоду и вынулъ изъ его ящика пистолеть.

— Прощай, надежды и мечты...—прошепталъ онъ, садясь въ кресло противъ камина.

Черезъ минуту въ номерѣ раздался выстрѣлъ, гулко прокатившійся по коридору гостиницы.

Получивъ вѣсть о самоубійствѣ Виткевича ¹⁾ и о томъ, что предъ смертью онъ сжегъ всѣ записки и планы, Перовскій былъ потрясенъ. Ему жалко стало и этого образованнаго умнаго офицера и тѣхъ важныхъ свѣдѣній, имъ добытыхъ, которыя приближали къ скорому осуществленію мечту Перовскаго о походѣ на Хиву.

Я. Я. Полферовъ.

¹⁾ Официальные документы умолчали о причинѣ самоубійства Виткевича, а общество отнесло его въ разрядъ «загадочныхъ». Только у Гумбольдта, который въ своемъ трудѣ «Asie Centrale» часто упоминаетъ о Виткевичѣ и горько сожалеетъ о безвременной кончинѣ «этого молодого умнаго изслѣдователя», есть намекъ на то, что послѣдній «въ силу своей честной натуры не могъ примириться съ тою ролью, которая ему была поручена отъ русскаго правительства». Вотъ эта-то раздвоенность, вѣроятно, и привела къ роковой развязкѣ. Я. П.